

Селоя со страдальческим видом осушил чашу с горьким зельем до самого дна, после чего молча уполз в самый темный угол. Забившись туда, он замер крошечным безмолвным комочком. На лице его застыла такая вселенская тоска, будто сама жизнь в один миг утратила для него всякий смысл.

Сисах слегка подтолкнул застывшего Деровиэля в плечо. Тот медленно обернулся, ожёгши старого шамана столь мрачным взглядом, что без слов стало понятно: лучше говорить по делу и побыстрее, если жизнь дорога.

Понимая, что сам виноват, Сисах примиряюще потер кончик носа. Он понизил голос почти до шепота и, торопливо пробормотав напутствие, поспешил отступить на безопасное расстояние — от греха подальше.

— Иди-ка лучше утешь малого. Ему ведь мало того что придется пить эту гадость еще три дня, так впереди еще и уколы. Предупреждаю сразу: процедура не из приятных, поболит прилично.

У Деровиэля разболелась голова. Он отлично знал, что Селоя безропотно снесет любые мучения и слова против не скажет, но от этого осознания легче не становилось — ведь больно мальчику все равно будет. Немного подумав, Деровиэль полез в пространственный мешочек. Он торопливо перебирал вещи, пока пальцы наконец не наткнулись на заранее припасенный сверток. Облегчение теплой волной разлилось по груди.

Деровиэль неспешно подошел к притаившемуся в углу Селоя и присел перед ним на корточки. Протянув вперед сжатую в кулак ладонь, он слегка покачал ею и с мягкой улыбкой произнес:

— Угадай, что у меня там?

Селоя захлопал ресницами и перевел взгляд на мужскую руку. Он робко вытянул указательный палец, настороженно ткнул им в кулак Деровиэля и спросил:

— Это же... не кто-то живой, правда?

Малыш искренне опасался, что Деровиэль поймал очередную тварь, чтобы Сисах сварил из нее новое снадобье. Все-таки жуткое варево, в которое старый шаман только что хладнокровно бросал какие-то шевелящиеся ингредиенты, нанесло неокрепшей детской психике глубокую травму.

Деровиэль тихонько рассмеялся, но ничего не ответил, лишь напустил на себя загадочный вид и сжал пальцы еще крепче.

Селоя округлил глаза, мгновенно позабыв о своих горестях, и принялся увлеченно разгадывать загадку:

— Может, цветок? Вроде тех красивых диких бутонов у дороги... Они так сладко и приятно пахли!

Деровиэль качнул головой:

— Если бы я зажал цветок в кулаке, он бы сразу смялся и завял.

Селоя смешно сморщил носик, прикусил губу и, ненадолго задумавшись, робко предположил:

— Тогда... игрушка? Помнишь, вчера в углу маленький черный котенок катал шерстяной клубок?

— Тоже не угадал, — быстро отозвался Деровиэль.

Кончики его ушей неуловимо порозовели. Сам он никогда не видел, чтобы черные коты занимались подобной ерундой — это же совершенно несолидно для благородных зверей! Поэтому он поспешил ревниво добавить:

— На самом деле они терпеть не могут клубки. Скорее всего, бедняге просто совсем нечем было заняться.

Селоя намека не понял. С досадой стукнув кулачком по ладони, он вскинул голову и со всей детской искренностью пообещал:

— Больше я не позволю ему скучать! Буду играть с ним каждый день.

Тут он замялся, его личико озарилось радостным предвкушением, и он выпалил:

— А может... это конфеты? Сладкие-пресладкие, чтобы во рту больше не было горько?

Губ Деровиэля коснулась теплая улыбка. Он раскрыл ладонь, являя миру несколько круглых, полупрозрачных леденцов. В тусклом полумраке комнаты они переливались всеми цветами радуги, точно россыпь драгоценных камней.

— Здесь и клубничные, и виноградные, и яблочные... Все твои любимые вкусы. Выбирай любой.

— Ой... — Селоя удивленно склонил голову набок, искренне не понимая, почему все это богатство должно достаться ему одному.

Прикоснувшись кончиками пальцев к блестящим леденцам, он уставился на них сияющими, подобно чистейшим сапфирам, глазами и принялся увлеченно считать, тихонько бубня себе

под нос:

— Это мне, это Деро, это дедушке Сисаху, это снова мне...

Деровиэль шутливо выгнул бровь и снова сжал ладонь, мягко поймав в плен тонкие пальчики мальчика.

— Все до единой — только для тебя, — непреклонно повторил он.

Селоя слегка пошевелил пальцами и без труда выскользнул из неплотного захвата, ухитрившись при этом ловко утащить два леденца.

Подавшись вперед, он уткнулся Деровиэлю в грудь. Малыш коснулся пальчиком его губ и нежным, заговорщическим шепотом, каким обычно балуют капризных детей, попросил:

— Деро, открой ротик.

Деровиэль удивленно прикрыл глаза, помедлил секунду, но все же послушно приоткрыл рот. Селоя тут же вложил ему на язык круглый леденец. Полость рта мгновенно наполнилась густой, невероятно сладкой клубничной свежестью. Мужчина слегка прикусил конфету, и на язык хлынул ароматный, сочный сироп.

Довольный своей проделкой, Селоя засунул вторую конфету себе за щеку. В ту же секунду его личико забавно сморщилось от ядреной кислинки зеленого яблока.

— Ой, Деро, она кислая! Кислая-прекислая! — заверещал он, снова утыкаясь носом в его плечо.

Деровиэль обнял ерзающего и ластящегося к нему мальчика. В глубине его темных глаз заплясали теплые смешинки, однако произнесенные им слова прозвучали безжалостно:

— Ладно тебе, егоза, не подлизывайся. Нам пора делать укол.

Селоя жалобно всхлипнул, но суровая реальность была неумолима. Избежать кошмара под названием «укол» ему не удалось. Деровиэль бережно перенес его на кушетку, усадил поудобнее и мягко, но крепко прижал к себе. В этот момент к ним неторопливо приблизился Сисах, держа в руках несколько флаконов с мутными зельями.

Старый шаман мгновенно преобразился, явив всю строгость и сосредоточенность опытного лекаря. За все время он не проронил ни слова. Все его движения были отточены до автоматизма: зафиксировать предплечье, ввести иглу, закрепить пластырь и освободить руку. Селоя даже не успел испугаться или почувствовать боль, как процедура благополучно завершилась.

Сисах невозмутимо отряхнул полы своего простого одеяния и уже собирался уходить, как вдруг Селоя уцепился свободной ручкой за край его мантии. Старик удивленно обернулся и, постаравшись придать своему грубому голосу максимальную мягкость, спросил:

— Что такое, малыш? Хочешь мне что-то сказать?

Время не пощадило шамана: его лицо покрывала сетка глубоких морщин, а грубая, растрескавшаяся темная кожа, выдававшая в нем истинного демона, довершала пугающий образ. Пытаясь изобразить ласковую улыбку, старик невольно становился похож на коварного похитителя детей из страшных сказок.

Но Селоя это ничуть не испугало. Разомкнув пальцы, он залез в карман, выудил оттуда оставшиеся леденцы, которые ему насыпал Деровиэль, и протянул их шаману на обеих ладоньках.

— Это тебе, дедушка. Угощайся!

Сисах опешил. В его старой груди внезапно всколыхнулось давно забытое озорство. Лукаво прищурившись, он оглядел сладости и нарочно ткнул пальцем в самый яркий и красивый леденец:

— Хм... Пожалуй, я заберу вот этот.

Мальчик послушно кивнул. На его лице не отразилось ни тени жадности или сожаления.

Решив окончательно проверить малыша на щедрость, Сисах не стал убирать руку. Вместо этого он подцепил когтем еще одну конфету в забавной обертке и притворно вздохнул:

— Да вот беда: этот мне тоже очень нравится. Как же быть? Может, ты сам выберешь за меня?

Селоя лишь беззаботно отмахнулся, проявив поистине королевское великодушие:

— Забирай оба, дедушка!

Словно испугавшись, что старик постесняется попросить еще, он заботливо добавил:

— Если хочешь, забирай вообще все! У меня их еще очень много, честное слово.

Уголки губ Сисаха невольно дрогнули, а суровый взгляд потеплел. Он ласково потрепал Селоя по щеке. Его шершавая мозолистая ладонь слегка покраснила нежную детскую кожу, но мальчик даже не подумал отстраниться. Напротив, он доверчиво прильнул к теплой руке

старика, лащась, точно котенок.

Тихо вздохнув, шаман повернулся к стоявшему рядом демону:

— Везучий же ты гад, Деровиэль.

Деровиэль и не думал спорить. Если бы у него был хвост, он сейчас непременно победно взметнулся бы вверх.

— Еще бы, — самодовольно хмыкнул он. — Моему чутью на сокровища всегда можно завидовать.

Сисах ненадолго умолк, погрузившись в свои думы. Прикосновение мягкой детской щечки оставило на его ладони приятное тепло, которое никак не хотело исчезать.

Круто повернувшись, шаман быстрым шагом направился к выходу. И уже у самой двери в сознании Деровиэля беззвучно раздался его голос:

* «Я попробую найти другой, более щадящий способ лечения».*

* «И вот еще... после этих уколов у него всегда стынут пальцы. Обязательно согрей его».*

<http://bllate.org/book/20120/1998270>